

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2017.1.4>

УДК 167.7

ББК 87.220

О РАДИКАЛЬНОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ В «РАДИКАЛЬНОМ КОНСТРУКТИВИЗМЕ»

Игорь Николаевич Федулов

Доктор философских наук, профессор кафедры философии,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
infedoulov@mail.ru
просп. Ленина, 27, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация

Ольга Федоровна Худобина

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры физики,
Волгоградский государственный медицинский университет
olga_hdb@mail.ru
пл. Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется концептуальное содержание доктрины «радикального конструктивизма» – одного из наиболее ярких направлений в современной эпистемологии, возникшего как реакция на проблемы и противоречия классической теории познания, на предмет философской оригинальности содержания. Представители радикального конструктивизма, стремясь уйти как можно дальше от классики, полагают, что знание в принципе не может отражать объективную реальность, поскольку познающему субъекту о ней ничего неизвестно. «Реальный мир» на самом деле представляет собой не что иное, как систему мысленных конструктов, продуцируемую самим индивидом на основе информации, получаемой от органов чувств. Авторы подвергают критическому анализу на предмет научной новизны два тезиса одного из основоположников этого подхода в теории познания Эрнста фон Глазерсфельда, в которых он в свое время сформулировал парадигму радикального конструктивизма. В результате проведенного исследования авторы показывают, что основное содержание конструктивистской парадигмы в целом содержится уже в работах классиков немецкой философии XVIII–XIX столетий Иммануила Канта и Георга Гегеля, внесших фундаментальный вклад в классическую теорию познания. Канту принадлежит приоритет в открытии активной природы сознания, Гегель же впервые в истории философии предпринял попытку полностью отказаться от механистической трактовки природы, противопоставив редукционистским воззрениям идею развития. Главный результат, полученный авторами: радикальный конструктивизм, позиционирующий себя как подход, полностью противоположный классической теории познания, представляется все же недостаточно радикальным по отношению к ней, поскольку развивает идеи, имплицитно присутствующие в классических философских сочинениях.

Ключевые слова: радикальный конструктивизм, теория познания, системный подход, эпистемология, объективная реальность, субъект.

Радикальный конструктивизм, громко заявивший о себе в 80-е гг. XX столетия в США и Европе, был и до сих пор остается наиболее яркой попыткой рефлексии над достижениями постнеклассической науки с целью создания наиболее релевантной ей эпистемологии. Представители радикального конструктивизма (У. Матурана, Э. фон Глазерсфельд, П. Вацлавик и др.) не стремятся обращаться к социальным или культурно-историческим детерминантам в своем объяснении процесса научного познания. Абсолютизируя конструктивно-творческую природу научного познания на всех его уровнях, результат познания, включая даже любой чувственный образ, они рассматривают как конструкт. Понятие «объективная реальность» для радикальных конструктивистов является просто познавательным конструктом, мешающим критическому мышлению и имеющим мало общего с повседневностью. В отличие от представителей других философских направлений, видящих свою задачу в том, чтобы установить, насколько субъективные представления об объективной реальности соответствуют самой этой реальности, радикальные конструктивисты, по выражению С. Цоколова, «отвергают саму возможность существования какой-либо позитивной онтологии в качестве источника знания, а процесс познания рассматривают исключительно как процесс конструирования *denovo* в противоположность возможности переноса, открытия, отражения или отображения какой-либо внешней реальности» [11, с. 51].

Радикальный конструктивизм стремится отмежеваться от всех форм традиционной эпистемологии, допускающей в той или иной степени соответствие знания объективной реальности. Один из основоположников данного направления Э. фон Глазерсфельд так характеризует парадигму радикального конструктивизма: «Конструктивизм ничего не говорит и говорить не должен о том, что может или не может *существовать*. С конструктивистской точки зрения знание не воссоздает «картину» мира и никак этот мир не репрезентирует» [13, р. 114]. Конкретизируя эту мысль, Глазерсфельд формулирует два тезиса, содержащие ядро конструктивистской методологии: «(а) знание не обретается пассивным образом, оно

активно конструируется познающим субъектом; (б) функция познания носит адаптивный характер и служит для организации опытного мира, а не для открытия онтологической реальности» (цит. по: [11, с. 6]). Таким образом, в фокусе выстраиваемой радикальными конструктивистами эпистемологии оказывается не проблема обоснования существующего знания как такового, а «исследование самого процесса (биологического, нейрофизиологического, психологического) создания конструкций, которые оказываются «последней реальностью», с которой может иметь дело человеческое познание» [5, с. 10]. Внимание исследователей сосредоточено не столько на структуре объективной реальности (объективность которой сама по себе может быть предметом дискуссии) или структуре репрезентирующего ее знания, сколько на путях его возникновения, а также на том, какими путями сознание конструирует образ реальности. Для представителей этого направления в философии науки любой образ, понятие, высказывание являются в своем содержании не копиями познаваемых субъектом явлений, а их представлениями, репрезентациями. Как правило, в радикальном конструктивизме вопрос о степени удачности репрезентаций решается на основе прагматических и утилитарных соображений, их полезности и выгоды, конвенции.

И все-таки, настолько ли радикален «радикальный конструктивизм», насколько это представляется его основателям и их последователям? Не было ли упущено нечто его создателями в их стремлении разорвать нити, связующие категориальный и методологический аппарат радикального конструктивизма с классической эпистемологией? Например, как отмечает в своей монографии С. Цоколов, центральная для У. Матураны и Ф. Варелы идея «аутопоэзиса»¹, являющаяся естественно-научным (биологическим) фундаментом эпистемологии радикального конструктивизма, строится исключительно в рамках системного подхода [11, с. 185–186]. Конечно же, системный подход трудно отнести к классической теории познания, утверждавшей редукционизм в качестве одного из основных принципов, однако не следует забывать, что теория систем в том виде, в котором она увидела свет в работах Л. фон Берталанфи, насквозь про-

низана эволюционистскими идеями, в чем трудно убедиться, читая любую из работ Берталанфи, например, вышедший на русском языке почти полвека назад ретроспективный критический обзор научных и методологических оснований теории систем [2]. Теория же эволюции Ламарка и Дарвина – целиком и полностью детище классической науки, с чем, как мы полагаем, согласятся даже самые радикальные из «радикальных конструктивистов». Основана на эволюционистских представлениях и «парадигма самоорганизации» (синергетика)². Как и среди советских и российских философов науки, так и среди радикальных конструктивистов синергетическая парадигма пользуется заметной популярностью. Отличаются лишь интерпретации: если свойством самоорганизации отечественные философы – выходцы из диалектико-материалистической марксистской школы – наделяют в первую очередь объективную реальность и лишь затем – как производную от нее – *систему научных знаний* об объективной реальности, то радикальные конструктивисты, не скованные рамками марксистской традиции, считают, что процессам самоорганизации подвержены структуры сознания, *конструирующие* реальность. Вопрос же об онтологическом статусе научного знания при этом остается открытым, поскольку совершенно не прояснен механизм «обратного воздействия» конструируемой реальности на познающего субъекта, о чем весьма пессимистично пишут на последних страницах своей известной монографии У. Матурана и Ф. Варела: «Мы утверждаем, что корень всех неприятностей и затруднений, с которыми нам приходится сталкиваться сегодня, заключается в нашем полном неведении относительно познания» [7, с. 219].

Безусловно, в рамках краткой статьи невозможно рассмотреть все основания радикального конструктивизма, в которых он, декларируя независимость от классической эпистемологии, все же, по нашему мнению, опирается на ее идеи и достижения. Мы ограничимся лишь очень сжатым критическим разбором приведенных выше двух тезисов Э. фон Глазерсфельда, содержащих в концентрированном виде парадигму радикального конструктивизма. Оставляя пока за скобками

ми их содержательную сторону, сосредоточимся на одном-единственном вопросе о степени философской оригинальности конструктивистской доктрины. Нам представляется важным отметить, что наиболее важные идеи радикальных конструктивистов были известны представителям классической немецкой философии и высказывались ими задолго до середины XX столетия.

В отношении первого тезиса заметим, что приоритет в открытии активной природы сознания все-таки принадлежит отнюдь не радикальным конструктивистам. Еще И. Кант отмечал, что разум, пассивно отражающий действительность, неспособен постигнуть априорное знание, выходя за пределы возможного опыта – добрая половина мира остается для него недоступной («вещи-в-себе»). Поэтому Кант за два столетия до радикальных конструктивистов требует безусловного согласования предметов с человеческой способностью к созерцанию, красноречиво замечая, что «мы *a priori* познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими» [4, с. 19].

Однако вопрос об объективном существовании реальности, как известно, Кант решает совершенно иначе. Окружающий мир необходим ему для обоснования собственной системы: «...нельзя не признать скандалом для философии и общечеловеческого разума необходимость принимать лишь на *веру* существование вещей вне нас... и невозможность противопоставить какое бы то ни было удовлетворительное доказательство этого существования, если бы кто-нибудь вздумал подвергнуть его сомнению» [4, с. 28]. Кант вполне отдает себе отчет в возможности возражений субъективно-идеалистического характера против объективности существования внешнего мира как источника внутреннего опыта, поскольку индивид способен сознавать лишь то, что находится внутри него самого, то есть исключительно *представления о внешних вещах*, но не сами вещи. Отвечать на них он предпочитает, видя причины внутреннего опыта (который, по Канту, сам по себе есть нечто большее, чем простое осознание индивидуальных представлений) в существовании априорных форм чувственности – пространства и времени. Согласно Канту, сознание своего существования во времени – врож-

денная способность, реализуемая только лишь посредством отношения к чему-либо, находящегося вне сознания. Внутренний опыт не нуждался бы в осознании отношения к объективной реальности, если было бы возможным определить существование в мире при помощи одного лишь *интеллектуального созерцания*. Однако Кант отрицает любые источники опыта за исключением органов чувств, организуемых осознанием существования во времени. Поэтому у него «реальность внешнего чувства необходимо связана с реальностью внутреннего чувства как условие возможности опыта вообще» [4, с. 29]. Кант отмечает, что существование вещей вне сознания индивида, находящихся в отношении с его чувствами, он сознает с той же уверенностью, с какой он сознает свое собственное существование, определенное во времени.

Таким образом, Кант доказывает непосредственное существование внешнего опыта «в собственном смысле» и это выгодно отличает его систему от более ранних построений субъективных идеалистов, утверждавших, что возможно лишь *заключать* о внешних вещах, да и то без достаточной достоверности [4, с. 176]. Свою позицию он обосновывает достаточно тонко, не предполагая изначального непосредственного сознания существования внешних вещей, но доказывая такую возможность, исходя из наличия априорных форм чувственности. Как и у Декарта, у Канта представление субъекта о собственном существовании достаточно для утверждения факта самого этого существования, однако (в отличие от Декарта) недостаточно для того, чтобы обладать *знанием* об этом. Ибо знание, помимо мысли о чем-либо, есть опыт, опирающийся на внутренне созерцание, то есть на пространственные и временные отношения между внешними вещами, поэтому, заключает Кант, «внутренний опыт вообще возможен не иначе как через внешний» [4, с. 177].

Характерно, что, будучи объективным идеалистом и признавая наличие априорных форм чувственности, Кант всячески подчеркивал бессодержательность попыток построить *рациональную* (то есть опирающуюся на априорные основоположения) науку о «мыслящей субстанции» – то, что его предшественник Х. Вольф называл «рациональной психо-

логией», пытаясь из синтетических понятий о душе априорно вывести способы и законы ее деятельности. Бесплодность подобного рода попыток Кант обосновывает уже упоминавшимся нами требованием согласования знания об объективно существующих вещах с данными эмпирии. Поскольку рациональная психология опирается непосредственно на априорные формы чувственности и не опирается на внутренний опыт субъекта, то, следовательно, она не имеет никакого отношения и к опыту внешнему, и к субъекту как таковому. Однако психология в силу особенностей своих объекта и предмета, очевидно, не может существовать в отрыве от субъекта, и это обстоятельство дает Канту право называть рациональную психологию «мнимой наукой» [4, с. 241]. Между тем очевидно фундаментальное сходство между выведением из априорных форм свойств мыслящей субстанции и конструированием реальности в сознании без отсылки к самой реальности. В обоих этих случаях достаточно априорных форм, сама же реальность убрана за ненадобностью.

Второй тезис фон Глазерсфельда на первый взгляд представляется более оригинальным, тем более что в отношении онтологического статуса объективного мира классическая эпистемология занимает, в общем-то, вполне однозначную позицию. Заметим однако, что творчество философов не открывает мир непосредственно – это задача частных наук, – но оно способно вдохновлять ученых на поиски в определенном направлении. Различные метафизические принципы на протяжении более чем двухтысячелетней истории мировой философской мысли нередко выступали в качестве организующих для процесса познания. Так было, например, с принципом «единства природы». Дж. Бернал пишет, что «Эрстед, вдохновленный унитарными идеями *натурфилософии*, в течение 13 лет, несомненно, пытался найти связь между электричеством и магнетизмом, однако фактическое его открытие не было результатом какого-то продуманного плана» [1, с. 339]. Однако от методологического ориентира, в роли которого, как в данном случае, выступает спекулятивное рассуждение, нельзя требовать детальной стратегии поиска – это прерогатива частных наук, но очевидно то, что он организует поиск на каком-то

очень глубоком и общем уровне. Еще более яркий пример унитаризма как организующего принципа являет философское наследие современника Х. Эрстеда, одного из создателей классической натурфилософии Ф. Шеллинга. Приведем лишь один пример, связанный с известной в истории естествознания дискуссией о природе света. Еще при жизни И. Ньютона между ним и его современником Х. Гюйгенсом разгорелся спор о том, что же представляет из себя свет: эфирные корпускулы или волны в сплошном бесструктурном эфире. Непререкаемый авторитет Ньютона и та легкость, с которой из ньютоновской механики выводятся законы геометрической оптики, помогли утвердиться корпускулярной теории, но после его смерти под давлением фактов (в первую очередь тех, которые не могли быть объяснены корпускулярной теорией – интерференции и дифракции световых лучей) научный консенсус стал склоняться к волновой теории, чей триумф пришелся на построение О. Френелем «теории дифракции», позволяющей рассчитать картину волнового поля от произвольного количества источников света. Что же пишет Шеллинг по этому поводу в 1797 году? «Насколько мне известно, как сторонники Ньютона, так и сторонники Эйлера (отстаивавшего волновую теорию света. – *И. Ф., О. Х.*) признаются, что каждая из этих теорий сталкивается с определенными трудностями, отсутствующими в другой. Разве не лучше было бы поэтому рассматривать эти мнения не как противоположные, как это делалось до сих пор, а как *взаимодополняющие* и таким образом соединить преимущества обоих в *одной гипотезе?*» [12, с. 98]. Совершенно очевидно, что более чем за столетие до квантовой физики с ее принципом корпускулярно-волнового дуализма материи и до Н. Бора с его «принципом дополненности» Шеллинг с поразительной ясностью высказывает центральную идею квантовой теории вне всякой связи с эмпирией. Означает ли это, что с позиции радикальных конструктивистов тем самым он конструирует реальность? Да, безусловно! Идея дополненности на тот момент существовала лишь в его воображении, «субъективной реальности», поэтому она за неимением эмпирических предпосылок не могла быть открыта в реальности объективной, но послужила организующим

принципом для тех естествоиспытателей, кто, прочитав сочинения Шеллинга, принял его воззрения, получив тем самым приглашение в его «символическую Вселенную». Подчеркнем, что, не будучи на тот момент открытыми достоверно, и электромагнетизм, и корпускулярно-волновой дуализм всецело относились к «воображаемому миру» натурфилософии, в котором они имели статус существующих в реальности феноменов, в то время как в *объективной реальности* – «царстве эмпирии» – господствовали эмпирически обоснованные волновая теория света и независимые друг от друга теории электрических и магнитных явлений. Однако начало уже было положено, и указанные феномены постепенно становились реальными для сторонников унитаристских идей, самоотверженный труд которых позволил открыть их уже в объективной реальности, что, на наш взгляд, вполне можно трактовать и как «конструирование опытного мира» в соответствии с субъективной реальностью, как это себе представляют радикальные конструктивисты.

Что же до холистских, «системных» основоположений радикального конструктивизма, то необходимо признать, что и здесь его представители не были философски оригинальны, ибо в основном данные принципы применительно к исследованию природы сформулированы еще в натурфилософских системах Г. Лейбница и Г. Гегеля. Лейбниц, заочно полемизируя с Декартом, отказался от механистической трактовки материи и живых организмов [6, с. 41]. И если Лейбниц в истолковании движущихся сил организмов стоит еще в основном на механистических позициях, то в учении Гегеля холизм присутствует во вполне зрелом виде. Гегель идет гораздо дальше Лейбница, требуя рассматривать природу в ее целостности и понимая ее прежде всего как *органическую целостность*. Для его системы характерен принципиальный антиредукционизм, который находит свое выражение, прежде всего, в критике механицизма, который, как мы знаем теперь, противостоит системному подходу. Природу Гегель мыслил как развивающуюся органическую целостность, развертывающуюся в ряде ступеней. Каждую последующую ступень, по мнению Гегеля, невозможно свести к предыдущей – все они обладают своей специфической целостностью [8, с. 601–602]. Объективно

существует лишь дух, формы которого проявляются во временной последовательности. Лишь целое обладает подлинным существованием «в собственном смысле», части же целого, взятые сами по себе, наличным бытием не обладают. «...Дух из своей *всеобщности* нисходит до *единичности* через *определение*. ...Но *единичность* составляют формы... моментов (частей целого. – *И. Ф., О. Х.*). Последние представляют дух в его единичности или *действительности* и различаются во времени, однако так, что в последующем удерживаются предыдущие» [3, с. 519–520].

Во всем этом без труда узнается методологический фундамент системного подхода, из которого вырос радикальный конструктивизм. По меткому замечанию Б. Рассела, Гегель «отличается от Парменида и Спинозы тем, что рассматривает целое не как простую субстанцию, а как сложную систему типа, который мы назвали бы организмом. Очевидные отдельные вещи, из которых кажется составленным мир, не есть просто иллюзия. Каждая из них имеет большую или меньшую степень реальности, и реальность их состоит в том, что они являются сторонами целого, которое должно быть обнаружено при истинном рассмотрении» [9, с. 246]. Дальнейшее изучение гегелевской системы являет примеры того, насколько далеко он в 1807 г. предвидел свойства объективной реальности, до официального открытия которых оставалось еще полтора столетия: «...каждый момент, углубляясь в себя, складывался в некоторое целое *по свойственному ему принципу* (выделено нами. – *И. Ф., О. Х.*)» [3, с. 521]. Организующий принцип, таким образом, не привносится в реальность извне. Наоборот, организующее начало имманентно присуще целому и проявляет себя в определенном порядке взаимодействия образующих его частей. В этом отношении можно утверждать, что речь идет не об *организации*, но о *самоорганизации* целого. Организующая субстанция «не позволяет отдельному принципу изолироваться и сделаться целым внутри себя самого, а, собирая и удерживая вместе внутри себя все эти моменты, она продвигается в этом совокупном богатстве своего действительного духа, и все его отдельные моменты сообща принимают и получают одинаковую опреде-

ленность целого внутри себя» [3, с. 521]. Разнородные взаимодействующие начала обретают подлинное бытие лишь будучи собранными вместе в рамках единого целого – это снимает противоречия между ними и раскрывает новые качества, имплицитно присущие отдельным составляющим, но не могущие быть эксплицированными в отрыве от остальных. Процесс самоорганизации невозможен *вне времени*. Гегель отмечает, что, говоря о различиях между составляющими абсолютного духа, «эти различия по существу надо понимать лишь как моменты становления, а не как части; в действительном духе они суть атрибуты его субстанции» [3, с. 521].

Процесс становления духа протекает во времени в направлении от меньшего совершенства к большему и напоминает эволюционирование организмов в современной Гегелю теории эволюции Ж.-Б. Ламарка. Идея развития была в числе первых, пришедших в философию из классического естествознания. Гегель лишь придал ей ставшую впоследствии знаменитой трехчленную форму «тезис – антитезис – синтез», в которой развитие осуществляется путем снятия противоречия, и начиная с этого момента эволюционные идеи прочно входят в европейскую философию, завоевывая все новые умы. Безусловно, в интерпретации собственных философских принципов применительно к современной ему науке Гегель был весьма наивен, многое постулировалось им по совершенно иным поводам, нежели это представляется ныне. Однако его идеи, так же как и идеи Декарта, Лейбница, Бэкона, Канта и многих других, составляют неотъемлемую часть классической эпистемологии.

Таким образом, в заключение нашей работы можно отметить, что ни в методологическом, ни в содержательном аспекте попытка радикального конструктивизма построить оригинальную эпистемологию, уйдя как можно дальше от классической теории познания, не представляется удачной. Как это ни парадоксально, практически вся парадигма радикального конструктивизма имплицитно содержится в сочинениях классиков немецкой философии, прежде всего Канта и Гегеля. Данное обстоятельство свидетельствует не только о глубине и богатстве идей

выдающихся философов прошлого, но и о том, что философский потенциал классической теории познания даже сегодня далек от своего исчерпания, если не отождествлять ее исключительно с *методологией классического естествознания*. Гносеология гораздо шире «теории научного познания». В процессе рефлексии над современной им наукой философам иногда удается заглянуть дальше ученых, вынужденно ограниченных жесткими рамками научного метода. Опредившие свое время идеи десятилетиями и столетиями терпеливо ждут своего часа. Идеологи радикального конструктивизма, пришедшие в философию из частных наук, принесли с собой сознание их собственных трудностей, порожденных в том числе ограниченностью, незавершенностью и противоречивостью классической научной картины мира. Желая своим опытом рефлексии над достижениями современной науки придать развитию философии новый импульс, конструктивисты не вполне осознавали, насколько мало из наследия философов востребовано современниками. Гениальная догадка Шеллинга о корпускулярно-волновой природе света не могла устоять перед опытно подтвержденной волновой теорией. Кантовская идея активности субъекта была плохо совместима со стремлением классической науки изгнать субъективное из любого знания о природе, претендующего на то, чтобы быть объективно истинным. Холистские воззрения Гегеля противоречили редукционистской доктрине классической науки. Накопление противоречий в классической научной картине мира, привело, в конце концов, к революции в естествознании, создавшей условия для принятия уже порядком забытых идей, когда-то определивших свое время. Корпускулярно-волновой дуализм, эмерджентность живых организмов, неустранимое влияние субъекта на объект в процессе познания и другие факты были по сути переоткрыты заново – сначала учеными в своих областях, и лишь затем отрефлексированы основателями радикального конструктивизма. Именно поэтому мы убеждены в том, что для применения эпитета «радикальный» к конструктивизму Э. фон Глазерсфельда, У. Матураны, П. Вацлавика и других все же нет должных оснований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Аутопоэтические системы, согласно У. Матуране и Ф. Вареле, – системы, существующие за счет постоянного самовоспроизводства. Ярким примером подобных систем являются живые организмы [7, с. 40]. Авторы концепции распространяют принцип «аутопоэзиса» на поведенческие, социальные структуры, а также и на процесс познания как таковой. Результатом такого «самоконструирования» системы знания, в котором принимает участие все без исключения человечество, является тот мир, в котором и протекает бытие людей, создающих его и зависимых от него [7, с. 217, 219].

² В этом отношении показательным мнением одного из основоположников синергетики Г. Хакена, что «биология по праву считается наиболее важной областью исследований для синергетики» [10, с. 34].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернал, Дж. Наука в истории общества / Дж. Бернал. – М. : Изд-во иностр. лит., 1956. – 735 с.
2. Берталанфи, Л. Общая теория систем – критический обзор / Л. Берталанфи // Исследования по общей теории систем : сб. пер. – М. : Прогресс. 1969. – 520 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель ; пер. с нем. Г. Г. Шпета, комментарий Ю. Р. Селиванова. – М. : Академический проект, 2008. – 767 с.
4. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М. : Мысль, 1994. – 591 [1] с.
5. Кезин, А. В. Радикальный конструктивизм: познание в «пещере» / А. В. Кезин // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. – 2004. – № 4. – С. 3–24.
6. Лейбниц, Г.-В. Сочинения : в 4 т. Т. 1 / Г.-В. Лейбниц ; ред. и сост., авт. вступит. статьи и примеч. В. В. Соколов; пер. Я. М. Боровского и др. – М. : Мысль, 1982. – 636 с.
7. Матурана, У. Древо познания / У. Матурана, Ф. Варела ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
8. Огурцов, А. П. «Философия природы» Гегеля и ее место в истории философии науки / А. П. Огурцов // Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы. – М. : Мысль, 1975. – 695 с.
9. Рассел, Б. История западной философии : в 2 кн. Кн. 2 : [пер. с англ.] / Б. Рассел. – М. : Миф, 1993. – 445 с.
10. Хакен, Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / Г. Хакен. – М. : Мир, 1985. – 424 с.

11. Цоколов, С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания / С. Цоколов. – Мюнхен : Phren, 2000. – 332 с.

12. Шеллинг, Ф. В. Й. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / Ф. В. Й. Шеллинг ; сост., ред., авт. вступ. ст. А. В. Гультыга ; [пер. с нем.]. – М. : Мысль, 1987. – 637 [2] с., 1 л. портр.

13. Glasersfeld, E. von. Radical Constructivism. A way of Knowing and Learning / E. von Glasersfeld. – L. : Routledge, 1996. – 232 p.

REFERENCES

1. Bernal Dzh. *Nauka v istorii obshchestva* [Science in the History of Society]. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1956. 735 p.

2. Bertalanfi L. Obshchaya teoriya sistem – kriticheskiy obzor [General Theory of Systems – Critical Review]. *Issledovaniya po obshchey teorii sistem: sb. per.* [Investigations on the General Theory of Systems: Collected Translations]. Moscow: Progress Publ., 1969. 520 p.

3. Hegel G.V.F. *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of the Spirit]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2008. 767 p.

4. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow, Mysl Publ., 1994. 591 [1] p.

5. Kezin A.V. Radikalnyy konstruktivizm: poznanie v «peshchere» [Radical Constructivism: Cognition in the “Cave”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya*, 2004, no. 4, pp. 3-24.

6. Leybnits G.-V. *Sochineniya: v 4 t. T. 1* [Compositions: in 4 vols. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1982. 636 p.

7. Maturana U., Varela F. *Drevo poznaniya* [Tree of Knowledge]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001. 224 p.

8. Ogurtsov A.P. «Filosofiya prirody» Gegelya i ee mesto v istorii filosofii nauki [“The Philosophy of Nature” of Hegel and Its Place in the History of the Philosophy of Science]. *Gegel. Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 2. Filosofiya prirody* [Hegel. Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 2. Philosophy of Nature]. Moscow, Mysl Publ., 1975. 695 p.

9. Rassel B. *Istoriya zapadnoy filosofii: v 2 kn. Kn. 2* [History of Western Philosophy. In 2 Books. Book. 2]. Moscow, Mif Publ., 1993. 445 p.

10. Khaken G. *Sinergetika. Ierarkhii neustoychivostey v samoorganizuyushchikhsya sistemakh i ustroystvakh* [Synergetics. Hierarchies of Instability in Self-Organizing Systems and Devices]. Moscow, Mir Publ., 1985. 424 p.

11. Tsokolov S. *Diskurs radikalnogo konstruktivizma. Traditsii skeptitsizma v sovremennoy filosofii i teorii poznaniya* [Discourse of Radical Constructivism. Traditions of Skepticism in Modern Philosophy and Theory of Cognition]. Мюнхен, Phren, 2000. 332 p.

12. Shelling F.V.Y. *Sochineniya: v 2 t. T. 1* [Works. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1987. 637 [2] p.

13. Glasersfeld E. von. *Radical Constructivism. A way of Knowing and Learning*. London, Routledge, 1996. 232 p.

ABOUT RADICALISM OF CONSTRUCTION IN “RADICAL CONSTRUCTIVISM”

Igor Nikolaevich Fedulov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophy,
Volgograd State Socio-Pedagogical University
infedoulov@mail.ru
Prosp. Lenina, 27, 400066 Volgograd, Russian Federation

Olga Fedorovna Khudobina

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Physics,
Volgograd State Medical University
olga_hdb@mail.ru
Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article deals with the conceptual content of the theory of “radical constructivism” – one of the most vivid schools in modern epistemology which was established as a reaction to problems and contradictions of classical theory of knowledge. The theory is analyzed in order to discover philosophical originality of the matter. Members of radical constructivism trying to depart from classical ideas as far as possible, suppose that knowledge

itself cannot describe objective reality, because an individual who learns the reality does not know anything about it. The “real world” is nothing more than a system of mental images, created by a person oneself on the basis of information received from one’s sense organs. The authors have subjected to critical analysis two theses of Ernst von Glasersfeld, one of the founders of this approach in the theory of knowledge, in which he had laid down the paradigm of radical constructivism. The authors of the article have shown that the principal content of constructive paradigm had already been described in the research works of classics of German philosophy of the 18th – 19th centuries – Immanuel Kant and Georg Hegel, who had made a fundamental contribution to classical epistemology. Kant discovered active nature of consciousness, Hegel was the first in the history of philosophy who made an attempt to renounce the point of view considering mechanistic structure of the nature and set reductional opinions against idea of development. The principal findings received by the authors are: radical constructivism positioning itself as an approach totally opposite to the classical theory of knowledge and it is not radical enough with respect to the latter because the approach develops the ideas implicitly contained in classical philosophical theses.

Key words: radical constructivism, theory of cognition, systemic approach, epistemology, objective reality, individual.